

Гастроли:

Петрович у него даже не проверяет билеты. И соответственно не получает своего штрафного. Всё это пока...

Но зато как Веничка едет один! Как он рассказывает свою историю! И как он в своих воспоминаниях проводит время с той, к кому он едет... Воистину художественный принцип "не что, а как" предстал здесь осуществленным в предельной наглядности.

На сегодняшний день своей постановкой "Петушков" Валентин Рыжий сказал о двух вещах: о ненависти к "линейным" инсценировкам, этим убийцам живого произведения писателя, и о любви к писателю Венедикту Ерофееву.

Спектакль, в сущности, и играет одно: безмерную любовь к человеку, подарившему нам нашу поэму, поэму о нас самих, о нашем времени.

Что бы там ни было и как бы ни обстояли дела с поколениями, предшествовавшими и последующими, но у нашего поколения есть своя великая поэма. Безвременной, страшной смерти писателя создатели спектакля противопоставили передвигающуюся через край жизнь слова. Это экстатическое объяснение в любви через текст, когда каждая фраза смакуется, рассматривается под микроскопом. Чуть ли не каждая фраза "произносится" еще и гиперболой жеста.

Возможно, Валентин Рыжий возрождает пресловутую "биомеханику", когда у него актёр слова в простоте (то бишь в неподвижности) не скажет, все у него движется, сцена ходит ходуном. Молодой актер Александр Цуркан, гибкий, как дикая кошка, и при этом ясноглазый и с замечательной светлой улыбкой, не только около двух часов озвучивает пространство ерофеевской интонацией, но и прописывает его параллельно меняющимся рисунком сильного, неутомимого тела. Так пишется театральный текст.

Порой этот "перпетуум мобиле" не может не смущать. Господи, зачем? Зачем все эти "ласточки", "березки", "мостики" и прочие фигуры высшего пилотажа? Ведь именно Веничка сказал: "Все на свете должно происходить медленно...". Но ведь и добавил же он: "...и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек".

А если серьезно, то, во-первых, истошный динамизм театрального действия говорит как бы "нет" смерти (во всяком случае так воспринимаю эту "биомеханику" я), а во-вторых, создатели спектакля, видно, блюдут закон сохранения энергии, видя в драматическом театре преобразователь энергии письменной речи в энергию языка мистерии, где всё говорит всем: актёр — каждой жилой своего существа, предмет — каждой своей тенью на стене.

Мизансцены у Валентина Рыжего часто удаются именно за счет интуитивного нащупывания таких "бессмысленно" волнующих образов. Вот петушковская зазноба Венички (актриса Ирина Линдт) долго пересекает сцену в акробатическом мостике в направлении кулис, одарив героя на прощанье парой известных комбинаций из трех пальцев. Метафора невозможности "простого счастья" для этих двух — не иначе. Нелепо? Да. Но в горле — комок, в спине — озноб восторга.

Хорошо, что Валентин Рыжий не пытался сыграть ни литературу (например, чутко пропустив главу "Серп и молот" — ту, что из одной фразы "И немедленно выпил"), ни музыку "Москвы — Петушков": она неотделима от течения слова. Дважды ступить в одну реку не дано. Но дана жизнь. И она откликается всей полнотой своего голоса на жизнь другую.

[Рекламные ссылки:](#)